

ТАТЬЯНА КОМЫЛИНА

Родилась в 1963 году в Таре. Победитель и лауреат городских, областных и международных литературных и драматических конкурсов. Публиковалась в периодических изданиях, сборниках и антологиях, в литературно-красноречивом альманахе «ТарЯне».

ЧЕРТОПОЛОХ ИЗ ОДУВАНЧИКОВ*

Самостоятельная работа для взрослых и детей.

Женские роли – 3 + 4,
мужские – 1,
детские 1 – нет,
другие (животные, предметы и т. п.) – нет,
массовка – нет.

Оригинальный язык произведения: русский; период написания: XXI век, август, 2018 год.

Действующие лица:

Воспитатели в детском доме:

Светлана Ивановна, 40–45 лет

Наталья Петровна, 40–45 лет

Ирина Андреевна Солнцева, 23–25 лет

Воспитанники-десятиклассники:

Соня

Настя

Коля

Лиза

Даша

Надя, десять лет, «новенькая»

Соня повзрослевшая (эту роль может играть как исполнительница роли Сони, так и девушка, хотя бы отдалённо похожая на Соню в детстве)

Картина первая

Детский дом. Комната воспитателей. На столе чашки, в вазочке конфеты, печенье. В углу комнаты стол, на котором стоит большой радиоприёмник и лежит микрофон. На тумбочке большой горшок с цветком. Воспитатели пьют чай.

*Фипалист Международного конкурса современной драматургии «Время драмы. 2018 г.»

Светлана Ивановна. Угомонились вроде.

Наталья Петровна. Ага, тишина. Специально ещё раз прошла, тихо всё.

Ирина Андреевна. А у старших как? Тихо?

Наталья Петровна. Говорю же, везде тихо. Убегались за день, устали.

Светлана Ивановна. Вот я точно устала, ноги отваливаются. Вот не понимаю я Людмилу Павловну.

Наталья Петровна. В смысле?

Светлана Ивановна. В смысле прикида. Ну в смысле обмундирования нашего.

Ирина Андреевна. Обмундирования? Какого обмундирования?

Светлана Ивановна. Вот этого. (*Снимает туфли.*) Причёска, туфли на каблуках...

Ирина Андреевна. А я тоже считаю это правильным. У нас есть старшие девочки, будущие женщины, мы им должны пример подавать.

Наталья Петровна. Ага, чтобы перед мужем потом в халатах замусоленных не ходили.

Светлана Ивановна. Да будет ли он ещё?

Наталья Петровна. Кто? Халат?

Светлана Ивановна. Муж. Я вот сколько лет уже одна. И где он?

Ирина Андреевна. А вы его, Светлана Ивановна, не там ищите.

Светлана Ивановна. Ирочка Андреевна, мне что теперь, по библиотекам ходить?

Ирина Андреевна. Ну почему сразу по библиотекам? Мало ли где. Я вот своего вообще на остановке встретила.

Наталья Петровна. На остановке?

Ирина Андреевна. Ну не совсем на остановке. Вернее, я на остановке стояла. А автобуса всё не было. Тут машина какая-то тормозит. Садитесь, мол, девушка, я доведу.

Светлана Ивановна. А ты?

Ирина Андреевна. А что я? Где у меня деньги на частников? Я отказалась. А он говорит: «Да садитесь, я вас бесплатно доведу».

Светлана Ивановна. И села? К чужому незнакомому мужику?

Ирина Андреевна. Ой, Наталья Петровна, да тут к кому угодно сядешь, за смену опаздывала.

Наталья Петровна. Ну, поди, не убила бы Людмила Пална-то.

Ирина Андреевна. Да при чём здесь Людмила Павловна? Дети же ждут. Я же их сама учу не опаздывать, время чужое уважать. Тем более Соне новый журнал обещала принести. Она ведь ждала.

Светлана Ивановна. Ира, я вот всё время думаю – ты или прикидываешься, или на самом деле такая правильная.

Наталья Петровна. Свет, ну зачем ты так? Ирина ещё молодая.

Ирина Андреевна. А хорошие привычки, Наталья Петровна, даже возраст не меняет. Приучили меня так с детства: других уважать.

Светлана Ивановна. Ладно, не дуйся. Не хотела я тебя обидеть.

Наталья Петровна. И правда, Ирочка, ты на нас не обижайся. Пей чай, остынет ведь. И конфеты бери. Ирочка, а фамилия такая тебе от мужа досталась?

Ирина Андреевна. Да. Это Серёжина фамилия.

Наталья Петровна. Красивая фамилия – Солнцева.

Ирина Андреевна. А у меня тоже красивая фамилия была – Жемчугова. А Серёжа – Солнцев.

Светлана Ивановна. Сменила, значит, жемчуга на солнышко. Везёт же людям, не то что некоторым. Вот я сама – была Устинова, стала – Прокопьева. Устин, Прокоп... Никакой романтики. Никакого тебе просвета, никакого тебе солнышка.

Ирина Андреевна. Да мой Серёженька и сам словно солнышко. Добрый, светлый такой. Прихожу с работы, он у меня про деток наших детдомовских спрашивает: что да как. Понимает, что здесь немножко не так, как в обычной жизни. Детки-то здесь особенные.

А у Серёжи и родители хорошие. Они и меня очень любят, пирожками балуют. Вот угощайтесь, это мама Серёжина напекла.

Наталья Петровна. Я уже пробовала. Вкусные. Думала, ты у нас такая рукодельница.

Ирина Андреевна. Не, у меня такие вкусные не получаются.

Наталья Петровна. Сама-то пей чай, чего не пьёшь? А детки, да, детки у нас действительно особенные.

Светлана Ивановна. Детки-то особенные, но и мы не железные. Это ведь сколько нервов с ними надо? Ты вот, Ира, носишься с этой Сонькой, а это ведь язва самая настоящая.

Ирина Андреевна. Да нет, Светлана Ивановна, она добрая. Она на одуванчик подходит.

Наталья Петровна. На что походит?

Ирина Андреевна. На одуванчик. Пушистая такая. И нежная. У неё, кстати, и песенка любимая тоже про одуванчик. Она сама мне это сказала. К Соне просто подход нужен.

Светлана Ивановна. Одуванчик. Ага, сказала бы я. Подход к ней нужен...

Наталья Петровна. Да здесь ко всем подход нужен.

Ирина Андреевна. И заинтересовать чем-нибудь. Вот полюбила же она вязание. Как-то захожу, она кулемесит чего-то сидит. «Сонь, – говорю, – ты чем это занимаешься?» За спину спрятала. «Ну не хочешь, – говорю, – не показывай». А она: «Вы, – говорит, – Ирина Андреевна, смеяться будете».

Светлана Ивановна. И что, показала?

Ирина Андреевна. Ага. Она увидела на мне кофточку. Ну ту, бирюзовую, что я себе на Первое сентября связала. И себе такую же захотела. А вязать-то не умеет.

Наталья Петровна. Ну?

Ирина Андреевна. Ну вот прихожу я на ночное дежурство, она быстренько всех по комнатам разгонит, чтобы быстрее уснули, а сама ко мне. Мы с ней час-полтора учились вязать. Я, конечно, понимаю, что это нарушение... но ведь во благо. Связала ведь. Сейчас вот новую модельку изучает.

Светлана Ивановна. Ой, да не поймёшь тут, что им во благо, что не во благо.

Настырные они. Распинаешься перед ними, а благодарность где?

Наталья Петровна. Ой, Света, ну какую ты благодарность ждёшь?

Светлана Ивановна. Ну не скажи, Наталья Петровна, не скажи. Лишний раз «здрасьте» не скажут.

Наталья Петровна. Господи, да далось тебе это «здрасьте». Сама поздоровайся. От нас-то не убудет.

Светлана Ивановна. Но и к ним не прибудет. Сонька эта... Вот ведь со сранья её знаю. Маленькую же совсем привезли, так она всегда такая. Надуется, бывало, и слова из неё не выжмешь. И сейчас всех в узде держит. За главную у них.

Наталья Петровна. Так взрослая почти уже. А мне их жалко. Вот выпустятся – и жалеть будем, вспоминать. Могла бы, себе бы всех взяла.

Светлана Ивановна. Ой, я со своими-то не знаю, что делать. Костя совсем от рук отбился.

Наталья Петровна. Отца ему надо, Света. Он же пацан, взрослеет. Твой-то хоть с ними общается?

Светлана Ивановна. Ой, Наташа, да как такой отец, так лучше и вообще не надо. Не пойму я этих мужиков: своих побросают, а чужих воспитывают. Здесь он, в городе, так и живёт с этой.

Наталья Петровна. А общие-то дети есть?

Светлана Ивановна. В том-то и дело, что нет. Он её с двумя взял. Ленка моя видела их как-то. Плакала потом весь день. Папка, говорит, прошёл и даже не поздоровался.

Ирина Андреевна. Светлана Ивановна, а можно спросить, вы почему расстались?

Светлана Ивановна. Тебе, Ирочка, это пока не грозит. На курорт он съездил. В соседний санаторий. От завода его отправили за хорошую работу, оздоравливаться. Вот он и оздоровился.

Ирина Андреевна. О-ой. А вы что?

Светлана Ивановна. А что я? Злая стала. Знаете, девчонки, я ведь поначалу всё зло на ребятишках своих срывала. Потом

одумалась: что же я творю? Им и так тяжело, как отец-то он неплохой был. Слава Богу, сейчас всё нормально. Стараюсь себя дома контролировать. Главное, алименты платит.

Наталья Петровна. Да, живёшь вот так, живёшь, и не знаешь, какой подарочек тебе жизнь преподнесёт. Ир, ты что это захлопала? Ну-ка, перестань.

Ирина Андреевна. Да я вот подумала...

Наталья Петровна. Не надо ничего думать. Всё хорошо.

Светлана Ивановна. Да ну их, этих мужиков. Себя любить надо, себя! А думать надо. Только о хорошем думать надо. У вас же всё хорошо? *(Ира кивает.)* Вот и думай о хорошем.

Ирина Андреевна. Наталья Петровна, а вдруг, когда я в ночной смене, он с кем-нибудь...

Светлана Ивановна. Дурочка ты, Ирина Андреевна. А ещё с высшим образованием.

Ирина Андреевна *(встаёт, берёт телефон)*. Я пойду ребятишек проверю.

Светлана Ивановна. Не выдумывай. Нечего ходить дверьми хлопать. Чего их проверять? Всё обошли, всех проверили. Прекрасно знаешь, что по ночам всегда всё спокойно, все спят.

Наталья Петровна. А телефон зачем взяла? Своему позвонить хотела? На часы посмотри. Спит мужик давно. Доверять надо мужу. Я вот своему всегда доверяю.

Светлана Ивановна. И правильно. Захочет мужик изменить, так тут хоть запровейся. Кстати, а ты знаешь, что твоя Сонька вытворила?

Ирина Андреевна. Соня?

Светлана Ивановна. Соня, Соня.

Наталья Петровна. Так откуда она знает? Она же первый год у нас работает.

Ирина Андреевна. А что случилось? Светлана Ивановна, расскажите.

Светлана Ивановна. В прошлом году. Влюбилась. В Кольку старшего. Из 35-й комнаты.

Ирина Андреевна. И что?

Светлана Ивановна. Ничего. Он с Настей дружит. Уже года четыре. Раньше всё

ходили за ручку держались, а теперь целуются под лестницей. Сама сколько раз видела.

Ирина Андреевна. А Соня что?

Светлана Ивановна. Вот и Соня увидела. Что было! Жить, говорит, не хочу.

Ирина Андреевна. А дальше?

Наталья Петровна. А что дальше? Завела её Людмила Павловна к себе в кабинет, чаю горячего налила, варенье малиновое поставила. Она специально в холодильнике варенье малиновое держит для всяких случаев. Всякое же бывает. Она же мастер по этому делу, сколько судеб мимо неё прошло. Сколько соплей вытерла, сколько на путь истинный наставила. Золото, а не директор. «Вот есть у тебя, Сонечка, мечта?» – спрашивает. Та носом хлюпает и говорит: «Есть. Мамку хочу найти. Я не помню её, а найти хочу». А Людмила Павловна: «Вот ты говоришь, жить не хочешь. Ну не будешь ты жить, а кому от этого хуже будет? Тебе самой же, в первую очередь. А как же мечта? Получается, что она так и не исполнится?»

Светлана Ивановна. Вот так и успокоила. Она, правда, до сих пор по Кольке вздыхает. А Настю на дух не переносит.

Ирина Андреевна. Да, я это заметила. Всё хотела с девочками поговорить, причину выяснить. А оно вон, оказывается, в чём дело. Мальчиков у нас мало. Это и хорошо, только... Только вот девочкам влюбляться особо не в кого.

Светлана Ивановна. И хорошо, что не в кого. Пусть учатся лучше. Найдут ещё себе хомут на шею.

Наталья Петровна (*смотрит на часы*). Двенадцать уже.

Светлана Ивановна. Уже! Ещё. Двенадцать только. Вся ночь впереди.

Наталья Петровна. Надо ещё к радиопередаче утренней готовиться.

Ирина Андреевна. Ой, Светлана Ивановна, за это не переживайте. Девчонки, поди, уже всё сами подготовили. Они в этом деле молодцы. И зарядку проведут, и план на день расскажут, и с днём рождения кого надо поздравят, и песню поставят. Идея эта

хорошая – с радиопередачей. Прямо как в советские времена в пионерских лагерях.

Светлана Ивановна. Да что ты про советские времена помнишь?

Наталья Петровна. Свет, ну, скажешь тоже. Не в тундре же она. Книжки читает, фильмы смотрит.

Ирина Андреевна. Кстати, Наталья Петровна, а чья это идея?

Наталья Петровна. Это не просто идея, это уже традиция. Уже сколько лет, и каждый день радиопередача. А девчонки и правда молодцы: и темы находят, и слова подбирают. И голосочки такие у них... дрожащие, что ли. Правду, ты, Ира, говоришь – как одуванчики.

Светлана Ивановна. Ну-ну, посмотрим, что ваши одуванчики завтра приготовят. Подремать тогда, что ли, маленько, а? Ир, ты ночник включи, свет в глаза бьёт.

Ирина выключает одну лампочку.
Свет приглушается.

Картина вторая

Закуток в детском доме. Тускло горит дежурная лампочка. В углу стоит ведро со шваброй. Кушетка. Потихоньку одна за другой подходят девчонки и садятся – кто на кушетку, кто просто на пол.

Соня. Да не топай ты! Не можешь потише?

Настя. Да я и так тихо. Чего ты всё до меня докапываешься?

Соня. Не нравится, вали отсюда. Ходишь как слон.

Лиза. Да хватит вам, девчонки, чё как маленькие. Сонька, правда, хорош уже к Наське цепляться.

Соня. А никто и не цепляется, надо больно.

Лиза (*замечает в руках у Насти тетрадь*). Насть, а чё это у тебя?

Настя (*прячет руки за спину*). Да так. Фу, Лизка, ты опять курила?

Соня. Тебя надо было спросить?

Настя. Пахнет противно. Не переношу этот запах. Я вот никогда курить не буду.

Соня. А тебе никто и не предлагает. Ладно, всё, тему закрыли. Ну, чё, как всегда?

Даша. Ага. Давайте. Только давайте сегодня про матерей. Кто начнёт?

Соня. Ты и начинай.

Даша. Даже не знаю, с чего и начать-то. Мамку я помню, хотя мне пять лет всего было. Она у меня красивая. Волосы такие кудрявые-кудрявые, и глаза голубые-голубые. Я в неё пошла. Глаза вот тоже голубые. Я помню, тётяшка, которая меня сюда привела, говорит: «Ты такая красивая, вот увидишь, тебе быстро маму найдут». Я тогда её ещё дурой обозвала. Какую, говорю, маму. У меня есть мама. Я же не знала тогда, что мамку прав на меня лишили. Пила она сильно. Не работала нигде. Папка тоже часто приходил домой пьяным и бил маму. А потом мама меня била. Я пряталась под кроватью, а она вытаскивала меня оттуда и выгоняла из дому. Я ходила, ходила по улице, а когда становилось страшно, шла домой и просила прощения.

Лиза. За что?

Даша. Не знаю. Сначала мамка заставляла, а потом я уже сама. Папка меня защищал от неё, а потом он и сам куда-то делся. И новые стали появляться. То папа Миша, потом папа Серёжа, потом вообще какой-то вечно пьяный дядя Паша. Мамка и его заставляла папой называть. А потом... Я всегда ждала, что она придёт за мной. Но она всё не приходила. А когда я старше стала, поняла, что она и не придёт вообще. Где она сейчас, как она... Не знаю.

Соня. А хочешь узнать?

Даша. Не знаю. И хочу, и не хочу. Ну увижу я её, и что? Столько лет прошло. Её, может, уже и в живых-то нет. Может, записалась давно. А может семья у неё другая, дети. Я раньше плакала, когда про неё думала. А сейчас мне как-то фиолетово всё.

Лиза. Все так говорят. А сами всё равно хотят, чтобы родители объявились.

Даша. Я, когда поняла, что мамка больше не придёт, старалась хорошей быть. Училась хорошо, буквы красиво писала. Всё думала, что меня другие родители заберут. Годы-то

шли. А не забрали. Как-то подслушала, как наша директорша с одними разговаривала про меня. Они говорят: нам переросток не подходит. Это я – переросток. Им надо было маленькую девочку, чтобы сразу их папой и мамой называла. А откуда они знают, может, я бы их тоже сразу так называть стала. Я ведь так по мамке тогда скучала.

Лиза. А я и не надеялась никогда, что меня заберут.

Соня. Почему?

Лиза. Так Светлана Ивановна всё время говорила: «Кому ты нужна с таким букетом болезней».

Даша. Чё, правда, что ли?

Лиза. Ага, Светлана Ивановна всегда всё про всех знает. Не люблю я её.

Соня. Да не, она вроде нормальная.

Лиза. Ага, нормальная. Да она ненавидит нас всех. Говорит: «Что вот из вас вырастет? Как сорняки, разлетитесь по земле. Кому вы нужны будете?»

Настя. Тётя Зина – техничка говорила, что её мужик бросил. Вот она теперь всем так и говорит, что мы никому не нужны. Если она никому не нужна, мы-то при чём?

Соня. Не, ты-то, конечно, ни при чём. У тебя Колька есть.

Настя. Сонь, ты не обижайся. Я же не виновата, что Коля меня выбрал. Мы же с ним всегда дружили. Он меня от мальчишек защищал, портфель мне носил. А потом... я же не знала, что ты его тоже любишь.

Соня. А если бы знала, то что? Бросила бы?

Настя. Честно? Нет. Не бросила бы. Ирина Александровна говорит: «За любовь бороться надо».

Соня. Это она тебе так говорит?

Настя. Почему мне? Она всем так говорит. Знаете, девчонки, она такая прикольная, с ней можно хоть о чём поговорить, даже про любовь.

Соня. Ой, ты мне-то не рассказывай. Как будто я без тебя не знаю.

Лиза. Зато Светочка всегда говорит: «Да ну их, этих мужиков. Себя любить надо, себя!» Дашка, ты чего как тормоз? Давай дальше.

Даша. А чего дальше? Так я все эти годы здесь и живу. Никому не нужна. У меня даже пацана нет, как вон у Наськи.

Настя. А что сразу у Наськи? Как будто я в этом виновата. Вам меня трудно понять, но мы... мы просто нужны друг другу. Коля для меня как поддержка. А я для него. Вот на будущий год выпустимся, поступим в институт. Потом отучимся, а потом поженимся. Хотя, может, и сразу поженимся.

Лиза. Ага, кто вас поженит? Вам же ещё восемнадцати нету.

Соня. Девки, тихо. Кажется, кто-то идёт.

Даша. Не, показалось.

Соня. Да ничего не показалось. Говорю же вам, тихо.

Появляется Надя.

Соня. Новенькая? Ты чё приперлась? Тебя звали?

Надя. Девочки, а можно я с вами?

Лиза. Что – с нами?

Надя. Ну, посижу с вами. Я же вижу, как вы каждый день после отбоя сюда уходите.

Соня. Следишь?

Надя. Следю. Соня, ты только не ругайся. Я ведь никому не скажу.

Соня. Ага, попробуй только. Следю... Никто не должен знать, что мы здесь зависаем. Поняла?

Надя. Сонечка, миленькая, да я никому. Честно-честно. Я даже никому не говорю, что вы курить под лестницу ходите.

Лиза. Ку-рить? Мы?

Надя. Ага. А ещё вы там зажигалку оставили. Только я её не взяла, просто посмотрела и на место положила. Лиза потом за ней пришла. Я видела.

Лиза. Тоже видела? А ещё что ты видела?

Надя. Как Настя с Колей большим целуется, видела. Ещё видела, как...

Лиза. Слушай, соплячка глазастая, вали отсюда, а!

Надя. Ну, девочки! Ну, Сонечка, ну пожалуйста. Возьмите меня в свою компанию, а?

Соня. А ты ничего не попутала? Тебе сколько лет?

Надя. Десять.

Даша. А нам знаешь сколько?

Надя. Знаю. Ну и что. Мне совсем с маленькими неинтересно. О чём мне с ними разговаривать?

Лиза. А с нами о чём разговаривать будешь?

Надя. Слушать буду. Мне нравится ваши истории слушать.

Соня. Не, я чё-то не врубаюсь, а ты откуда про истории знаешь?

Даша. По ходу, она не только подглядывала, но и подслушивала.

Лиза. Подслушивала?

Надя. Сонь, а ты ругаться не будешь?

Соня. Да нафиг ты мне сдалась. Скажи лучше честно, подслушивала?

Надя. Ага. Только я не специально. Я просто мимо шла...

Даша. Вот и шла бы дальше. Мимо.

Лиза. Знаешь, Надька, не нравишься ты мне. Вот честно, ну не нравишься. Какая-то ты не наша, не такая как мы.

Даша. Так она же возвратка. Чего с неё возьмёшь.

Надя. Кто я?

Даша. Возратка. Говорят, тебя обратно вернули.

Надя. Неправда. Никто меня никуда не возвращал.

Настя. В смысле?

Соня. В коромысле. Чё докопались? Она-то откуда знает, почему её вернули. Маленькая ещё.

Надя. Да нет, я знаю.

Соня. Чё ты знаешь?

Надя. Всё знаю, мне бабушка рассказала.

Соня. Бабушка? У тебя бабушка есть?

Надя. Есть. Только это не моя родная бабушка. Нет, она моя родная бабушка, это просто тётеньки что-то напутали. Она-то мне родная, а сказали, что не родная.

Лиза. Девчонки, а давайте сегодня Надька будет про себя рассказывать.

Надя. Не, я лучше вас буду слушать.

Лиза. А тебя как-то не спрашивают, что ты будешь. Не нравится, вали. Тебе же русским языком сказали.

Даша. Вали, вали. А скажешь кому – пожалеешь.

Надя. Девочки, да я... Соня, ты же у них главная, скажи им.

Соня. С чего ты взяла, что я главная?

Надя. Так тебя все слушаются.

Соня. Нет у нас главных, поняла? Не, девки, да чё она вам? Пусть остаётся.

Даша. Да нафиг она нам сдалась?

Соня. Выгоним, а вдруг кому проболтается. Ну чё, будешь рассказывать?

Надя. Буду. Только не прогоняйте.

Соня. Уже не прогнали. Давай, только по чесноку. Поняла?

Надя. Поняла.

Лиза. Только это, ты клятву должна сначала дать.

Надя. Клятву? Какую?

Лиза. Что никому про нас не расскажешь.

Надя. Так я ведь сказала, что никому-никому.

Лиза. Мало ли что ты сказала. Ты новенькая, мы тебя почти не знаем. Короче, давай. На крови клясться будешь.

Надя. На крови? Я когда поранюсь и кровь идёт, мне мама всегда зелёнкой мазала. Только это ведь больно.

Лиза. Больно, конечно. Сейчас тебе иголкой палец проколю...

Надя. Иголкой?

Лиза. Могу булавкой. Как тебе больше нравится?

Надя начинает всхлипывать.

Соня. Лизка, хватит тебе прикалываться.

Лиза. Боишься? Ладно, тогда землю будешь есть.

Надя. Землю? Ой, нет, в ней же микробы. Мама меня всегда заставляла руки мыть, когда я в земле их запачкаю.

Лиза. Да достала ты: мама, мама... кровь – не буду, землю – не буду. А что будешь? Мы специально для тебя должны клятву придумать?

Надя смотрит на Соню,
как будто ищет поддержки у неё.

Соня. Да не бойся ты, ничего тебе не будут делать.

Лиза. А что ты за неё заступаешься, кто она тебе?

Соня. Никто. Что вы, не видите, она уже трясётся от страха.

Даша. А мы её сюда звали? Ну и спала бы себе дальше, чего припёрлась.

Соня. Девки, хватит, я сказала. Пусть остаётся. Садись рядом, возвратка.

Надя. Соня, а ты можешь меня так не называть? Мне не нравится это слово.

Даша. Нет, вы гляньте на неё. Опять возбухает. А тебя никто не спрашивает. Не нравится ей, видите ли.

Настя. А я ведь тоже, получается... вроде как возвратка.

Соня, Лиза и Даша (вместе). Да ну?!

Даша. А ты никогда об этом не рассказывала.

Настя. Стыдно. Уже пять лет прошло, а мне до сих пор стыдно.

Соня. Ладно, давай, колись, чего уж там.

Настя. Я давно хотела вам об этом рассказать. Мы же с вами как сёстры уже. Мне кажется, вот расскажу вам – и мне легче станет. Девчонки, только вы молча слушайте, не говорите ничего. Мне так легче будет.

Даша. Ладно, давай начинай.

Настя (достает дневник). Я лучше читать буду.

Лиза. А-а, так это у тебя дневник?

Настя. Ага. Я его давно ещё завела. Всё в дневник и записывала. Накоплю, накоплю всяких событий. А потом, когда все уснут, записываю. *(Начинает сразу читать.)* «Мама у меня хорошая была. Вторая мама, которая меня из дома ребёнка взяла. Только я сначала не знала, что она мне не родная. А потом от нас ушёл папа. Также второй, не настоящий мой папа, получается. Я-то тогда тоже думала, что настоящий. Мы какое-то время с мамой вдвоём жили. А как-то мама пришла не одна и сказала, что дядя Витя будет теперь жить с нами. Я в школу уже начала ходить, когда тётя Люся, соседка наша, спросила, не обижают ли меня приёмные

родители. Я у мамы спросила, почему тётя Люся так сказала? Мама тогда мне всё и рассказала. Что меня из дома ребёнка взяли, что они меня очень любят и что если я захочу, то, когда вырасту, они мне помогут настоящую маму найти. Потом как-то про это мы больше не говорили. Они меня не обижали, игрушки всякие покупали, подарки там разные. А однажды, когда мама была на смене, дядя Витя меня поцеловал. Мне так страшно стало! Он такой противный, от него так мерзко пахло. И воняло сильно курицом. Я тогда маме всё рассказала, а она на меня кричать начала, чтобы я не выдумывала. Потом как-то мама ушла в магазин, а я одна с ним осталась. Он опять полез ко мне целоваться. Я вырвалась от него и закрылась в туалете, а он стал стучаться и говорить, чтобы я открыла. И ещё сказал, что если я кому-нибудь расскажу, то он убьёт меня. Я так напугалась! Потом слышу, тихо стало. В комнату, наверное, ушёл. Я выбежала и спряталась под лестницей.

Девочки не заместили, как во время разговора пришёл Коля.

Думаю, лучше здесь буду сидеть, пока мамы нет. А потом меня тётя Люся заметила, к себе привела. Я ей всё и рассказала. Она куда-то позвонила. Потом пришли какие-то женщины и меня забрали. А потом — сюда. Мама приходила, плакала, а сама всё равно говорила, что я всё это выдумала. А потом я ещё запомнила, как тётя Люся тем женщинам рассказывала, что я девочка хорошая. Что когда Ленка, так маму мою звать было, себе этого нашла, то она очень за меня переживала. Что он противный такой! А ещё говорила: «Помню, выйдут гулять, а он Лену под руку берёт, а Настеньку всё норовил приобнять, в папаши заделался!»

(Закрывает тетрадь, пауза.) Девочки, но я ведь не выдумала! Не выдумала! Так ведь всё и было. Почему она ему поверила? Ему, а не мне? А тётя Люся мне поверила. Почему так? И зачем было меня из дома ребёнка забирать, чтобы снова вернуть? Только уже в детский дом.

Лиза. Ты у нас спрашиваешь?

Даша. Любила она его. Потому тебе и не поверила.

Настя. Вот потому я к Коле и привязалась. Ещё маленькой. Мне тогда так захотелось, чтобы меня кто-то защитил, пожалел. Коля ради меня даже курить бросил. Я ему сказала, что мне запах дыма не нравится. Он ведь тоже сначала с пацанами курил.

Лиза. Так вот почему ты запах курева не переносишь. Из-за этого своего папаши. *(Надя тихонько плачет.)* А ты, мелкота, чё ноешь?

Надя. Мне так Настю жалко, так жалко.

Соня. Вот скотина. Убила бы его.

Настя. Я тоже тогда так думала. Вот, думаю, вырасту, найду этого козла и убью его.

Даша. А потом ты про них ничего больше не слышала?

Настя. Нет. И не хочу. Просто хочу, чтобы всё это забылось, как страшный сон. Девочки, не поверите, рассказала, и как камень... с души.

Коля нечаянно задел стоявшее на полу ведро.

Ты? Ты как здесь? Ты зачем здесь? Кто тебя звал?

Коля. Настя, успокойся, я...

Настя. Кто — тебя — звал?

Соня. Настя, и правда, успокойся, а. Ну пришёл он... И что такого? Я его позвала.

Настя. Ты? Ну и зачем ты его позвала?

Соня. Нет, а что здесь такого? Я думала, у вас нет секретов друг от друга. Выходит, ошибалась. И потом, не чужой же кто-то пришёл, а твой.

Настя. Мой? Мой пришёл, да? Что такого? А ничего! Ничего такого! Просто пришёл. Он же... Он же всё слышал. Понимаете? Ты ведь слышал, да? Говори, ты ведь всё слышал? Что ты молчишь? Слышал?

Коля. Слышал. Но это ведь ничего не меняет, Настя. Это ведь не имеет никакого значения.

Коля пытается обнять Настю, она отталкивает его.

Настя. Это для тебя ничего не меняет, а для меня меняет. Это для тебя это не имеет никакого значения, а для меня имеет. Да пошёл ты! И ты, Сонька... Ты это специально сделала, потому что Коля тебе нравится. Да пошли вы все! *(Настя вырывается и убегает.)*

Коля *(побежал за ней)*. Настя, подожди!

Лиза. Сейчас всех на уши поднимут.

Соня. Да ничего не будет. Настя сейчас пропихуется и вернётся. А я, девчонки, правда, не специально. Я же не знала, про что Настя рассказывать будет.

(Тихонько запекает свою любимую песенку.)

Знаю я, знаешь ты:

На лугу растут цветы.

Но один из них чудак,

Что-то у него не так.

Стильный и кудрявый мальчик.

Кто же это? Одуванчик!

Девчонки начинают ей подпевать. Надя тоже.

Одуванчик, одуванчик,

Ты такой один обманщик.

То ты жёлтый и душистый,

То кудрявый и пушистый.

Заходит Настя, молча подсаживается.

Лиза. Поругались?

Настя молчит.

Соня. Ничего, помирятся. У них же лю-бофф. Настя, я, правда, не хотела, чтобы вы поругались. Ну, прости меня, что так получилось. Хочешь, я потом с Колькой поговорю?

Настя. Не надо. Я успокоюсь и сама с ним поговорю.

Надя. То кудрявый и пушистый.

Соня *(Наде)*. А ты эту песню откуда знаешь?

Надя. Я слышала, как ты её всё время поёшь. Мне Ирина Андреевна помогла

слова в интернете найти. Вот и выучила. Знаешь, Соня, а мне она тоже понравилась. Можно я её тоже буду петь?

Соня. Пой, мне-то что. Слушай, а ты нам так и не рассказала про себя. Давай, колись. Чего там тебе бабка твоя рассказала?

Надя. Не бабка, а бабушка. Она хорошая у меня. Только старенькая. И мама с папой хорошие были.

Даша. Если такие хорошие, чего они тебя тогда сдали?

Надя. Меня не хотели сдавать. Бабушка плакала очень сильно.

Настя. По ходу, не только бабушка плакала. Ты-то чё ноешь по ночам?

Надя. Я не ною, я плачу. Мне маму жалко, и папу жалко, и бабушку жалко.

Лиза. Во тормоз. Они её сдали, а ей жалко. Чё их жалеть-то?

Надя. У меня мама заболела и умерла, вот мне её и жалко. А папа сказал, что не справится со мной один. Он в командировки надолго уезжает, а меня с кем оставлять будет? И его мне тоже жалко. Как вот он теперь один, без меня и без мамы жить будет?

Даша. Во дура. Женится да и всё.

Надя. Как это женится? У него же мама была жена.

Даша. Ну и что. Он же ещё не старый, новую жену найдет. Это для мужиков как здрасьте!

Надя. А вдруг новая жена не будет такая, как мама? И ему трудно с ней будет.

Настя. Не, это вообще что-то. Ты серьёзно, что ли?

Надя. Меня бабушка хотела себе оставить, а сказали, что нельзя. Что она старенькая и что мне не родная бабушка. Только я вот этого вообще не понимаю. Как это моя бабушка может быть мне не родная? Может, они там что-то напутали?

Лиза. Ага, специально для тебя взяли и напутали. Нет, тут что-то не то. Тут разбираться надо. Да и Светочка зря ведь не скажет.

Надя. Соня, а ты, когда вырастешь, кем будешь?

Лиза. Сонька у нас дипломатом будет.

Соня. Да ну нафиг! Подпишу какой-нибудь не такой документ, и всё – пипец стране!

Надя. Нет, Соня, ты хорошая. Ты правильные документы подписывать будешь.

Соня. Ты-то откуда знаешь?

Надя. Я чувствую. Соня, а ты можешь такой документ подписать, чтобы детских домов совсем не было?

Соня. Нет, без детских домов совсем нельзя. А куда тогда брошенных детей девать будут?

Надя. Соня, вот ты большая, а глупая. Как ты не понимаешь, если не будет детских домов, то родители же это будут знать. И тогда они не будут своих детей бросать. И вино пить тогда не будут. А если вдруг мама умрёт, то разрешат с бабушками жить. Правда же, девочки?

Молчание.

Надя. Соня, а что означает слово «шалава»?

Девчонки (вместе). Что? (Засмеялись.)

Надя. И ничего и не смешно. Я просто слышала, как Светлана Ивановна сказала: «Сонька ещё та шалава».

Соня. Это она про меня так сказала? Не ври!

Надя. Я правда не вру. Я сама слышала. Ты ведь в нашем детском доме одна Соня.

Соня. Девки, да ладно! А я считала, что она того – нормально с нами. Ну всё, я ей устрою.

Даша. Сонь, ты чего удумала? Может, эта мелкая сочиняет.

Надя. И ничего я не сочиняю, она так и сказала: «Сонька ещё та шалава».

Соня. Ещё раз повтори, а то не все слышали.

Надя. Ещё раз? Ну она так и сказала: «Сонька...»

Соня. Да заткнись ты!

Надя. Соня же не верит, что я не вру. А Светлана Ивановна...

Соня. Ты не поняла? Я сказала, заткнись! И нафиг только ты припёрлась сюда?

Лиза. Да, Сонь, забей ты. Светочка иногда реально тупит. Вот и сейчас тупанула.

Соня. А я и забью. А что мне? Я же – шалава. (Напева.) Иду по жизни я удобной мне походкой... Когда я захочу, тогда виляю попкой! Шалава – она и есть шалава!

Лиза. Сонь, ну скажи, чего придумала.

Соня. Не придумала ещё. Думаю. Мне вот интересно стало, а что они вообще про нас говорят? Да не кипишуйте вы, девки. Всё нормально. Настя, у тебя в телефоне диктофон есть?

Настя. Есть, а что?

Соня. Насть, дай телефон на время.

Настя. Бери, жалко, что ли.

Соня. О, спасибосик! (Встаёт.) Так, короче, давайте все по комнатам. Я тоже сейчас приду.

Надя. Нет, мы лучше тебя подождём.

Соня. Я же сказала. Непонятно? Все по комнатам. Давайте, давайте, поживее.

Девочки расходятся.

Картина третья

Комната воспитателей. Приглушён свет. Ирина листает журналы. Светлана и Наталья дремлют. Стук в дверь. Наталья Петровна встаёт, включает свет.

Соня. Можно?

Ирина Андреевна. Соня, что случилось?

Светлана Ивановна. Господи, тебе-то что не спится?

Ирина Андреевна. Проходи, проходи. Садись вот на стул. Рассказывай, что случилось?

Соня. Да я и сама не знаю. Но что-то мне как-то не по себе. То ли тошнит, то ли голова болит.

Светлана Ивановна. Лучше уж пусть голова болит, чем тошнит.

Соня. Мне бы, может, таблеточку какую-нибудь.

Наталья Петровна. Подожди с таблеточкой. Давай мы тебе сначала давление смерим.

Светлана Ивановна. Господи, да откуда у неё давление?

Наталья Петровна. Мало ли. *(Достаёт аппарат. Пока Наталья Петровна готовит тонометр, Соня незаметно кладёт телефон за горшок с цветком.)* Руку давай. *(Измеряет.)* 120 на 80. Нормальное давление. Так... что тогда? Может, что съела?

Соня. Да ничего я не съела.

Ирина Андреевна. Может, скорую вызвать?

Соня. Да нет, спасибо. Лучше таблеточку.

Наталья Петровна. Таблеточку тоже без врача не дам. Знаешь что, давай я тебе валерьянки накапаю, ты выпьешь, успокоишься и уснёшь. А я потом приду, проверю. Если лучше не станет, скорую вызовем. Договорились?

Соня. Ага. Да вы не переживайте. Мне, вроде, получше уже.

Ира капает валерьянку, даёт Сонс выпить.

Ирина Андреевна. Ну как?

Соня. Да нормально. Ладно, пойду я.

Соня уходит.

Светлана Ивановна. Что это с ней? Девка здоровая вроде, сильная.

Наталья Петровна. Ну мало ли. Схожу через полчаса проверю.

Ирина Андреевна. Какими бы они ни были сильными, а чья-то нежность всегда сильнее.

Может, просто ребёнку ласки захотелось.

Светлана Ивановна. Ребёнку?

Ирина Андреевна. Ребёнку. Нашему ребёнку. Может, у неё на душе тоскливо. Принято почему-то считать, что раз ребёнок ничей, то и в душе у него пусто. Только в живой душе не может быть пусто. И привязывается маленький человек к тому, кого видит каждый день. Кто пусть иногда, но скажет ласковое слово. Кто будит по утрам, и водит на прогулку, и зовёт на обед. Кто шнурки завязывает, буквы первые показывает. К тому, кто просто – рядом. Нетрудно ведь просто лишний раз приласкать, чтобы

не чувствовал себя маленький человечек отвергнутым и потерянным. Не зря же я их одуванчиками зову. Они же нежные, как эти цветочки. А дунешь сильно и...

Светлана Александровна. И что? Начиталась ты книжек, Ирина Андреевна. У нас тут всякие одуванчики были: и управляемые, и неуправляемые. Это сейчас как-то поспокойнее стало. Сейчас хоть вздохнули посвободнее, а то просто сил никаких не было... Нет, я, конечно, всё понимаю, здесь дети сложные, им в жизни много пришлось пережить, они несчастные, они травмированные. Нам это тут объясняют, да я и сама, без объяснений, понимаю... но ведь есть предел и нашему терпению! Вот эта воеет всю ночь! Ну я-то ладно, я на дежурстве, но ведь другие дети просыпаются!

Ирина Андреевна. Кто воеет?

Светлана Александровна. Да кто, кто... Эта, новенькая... Надя. Как заведётся ночью, и сделать ничего невозможно.

Наталья Петровна. Жалко её. Второй раз жизнь девчонку долбанула.

Ирина Андреевна. Как это – второй раз?

Наталья Петровна. Родители ведь не родные. Её прямо из дома малютки забрали, мать от неё сразу после родов отказалась. Она, правда, об этом не знает. Она и бабушку родной считает. Бабушка ходит, навещает.

Светлана Александровна. Лучше бы не ходила. Как уйдёт, так эта воеет всю ночь. Я вот смотрю, она всё за Сонькой увязывается. Наташа, а ты как думаешь. Правда это?

Наталья Петровна. Про Надю? Да, конечно, документы же видели. Но Людмила Павловна пока запретила на эту тему говорить.

Ирина Андреевна. Ой, что-то интересное? Расскажите, а? Я никогда никому в жизни. Знаете, как я умею хранить секреты!

Светлана Александровна. Всё равно рано или поздно узнают. Соня давно к нам попала, мать лишили родительских прав. Так эта мамаша через несколько лет умудрилась ещё одного ребенка родить.

Ирина Андреевна. Надю?

Наталья Петровна. Ага. И сразу же в роддоме от неё отказалась. Потом её хотели к нам перевести, но нашлась хорошая семья, и девочку удочерили. Любили её, холили. А потом мать, приёмная, умерла. Вот её и к нам.

Ирина Андреевна. Да... А Соня? Соня тоже об этом не знает?

Наталья Петровна. Пока не знает. Директор говорит, пусть девчонка обвыкнет маленько, а там посмотрим. Но рассказать хочет. Пусть сестрёнки вместе находятся, старшая опорой будет. Соня ведь неплохая, озлобленная только почему-то.

Светлана Ивановна. Я у Сони этой вообще не пойму, что на уме. Лишний раз не улыбнётся, спасибо не скажет. Одуванчик! Да это не одуванчик, это сорняк какой-то! Это чертополох! Вот скажите, чем мои дети хуже их? Эти на всём готовом. И кормят их, и поят. А ещё неизвестно, что из них вырастет. Может, будут какими-нибудь бомжами или проститутками. А государство им потом ещё и квартиры выделяет. А я своим эту самую квартиру ни в жизнь не куплю. Не на что. Так и будут по съёмным болтаться.

Ирина Андреевна. Светлана Ивановна, нельзя же так. У них ведь самого дорогого нет, ласки материнской. Вот вы своих и прижмёте, и поцелуете. А их кто прижмёт? Кто поцелует? Я схожу детей посмотрю. *(Замечает телефон.)* Соня телефон забыла, на тумбочку ей положу.

Ирина уходит.

Светлана Ивановна *(села и заплакала).* Да что же это за жизнь-то такая?! Господи, сама не знаю, что говорю. Накипело всё. Трудно-то как.

Наталья Петровна. А кому сейчас, Светлана Ивановна, легко? Только мы должны быть выше этого. Нам это самое государство этих детей доверило. Так что нельзя нам раскисать, и дурь эту из головы выкинуть надо раз и навсегда. Опять же, какой пример ты Ирине подаёшь? Вот, не заметили, как

ночь прошла. Ладно, скоро подъём, немножко ещё посидим да пойдём детей будить.

Свет приглушается.

Картина четвёртая

Соня идёт быстрым шагом и тащит за руку Надю.

Та упирается, но идёт.

Надя. Ну, Сонечка, ну куда ты меня тащишь? Что я такого сделала? Соня, ну в чём я виновата? Соня, а хочешь, я тебе что-то секретное расскажу, а?

Соня *(остановилась).* Ну.

Надя. Я это никому-никому не рассказывала. Я ночью, когда все спят, смотрю на звёздочку и Боженьку молю: «Боженька, миленькая, сделай так, чтобы у меня какая-нибудь сестрёнка появилась. Ну пожалуйста, Боженька. Бабушка ведь говорила, что не может человек один жить, должна быть родная кровиночка». Сонечка, ты бы могла стать этой кровиночкой для меня?

Соня. Боженьку просила, а почему на звёздочку смотрела?

Надя. Боженька же на небе, только её не видно. А звёздочку видно, она же тоже на небе. Она передаст Боженьке мою просьбу. Я точно это знаю, Соня. Знаешь, почему?

Соня. Ну?

Надя. Она мне моргала. Понимаешь? Раз моргала, значит, она меня понимает.

Соня. Всё?

Надя. Да.

Соня. Пошли.

Надя. Соня, ты вот на меня ругаешься, а я ещё звёздочку просила, чтобы ты моей сестрёнкой стала. Чтобы защищала меня, жалела, сказки на ночь читала. А ты...

Соня. Ты можешь молча идти?

Кабинет воспитателей. Соня садится за стол, включает радиоприёмник, берёт микрофон.

Соня. Стул бери, садись рядом. И молчи. Поняла? *(Надя кивает.)*

Раз. Раз, два, три. Доброе утро всем! Начинаем нашу радиопередачу. Как обычно —

новости, которые нам сегодня... которые нам сегодня расскажет наш воспитатель Прокопьева Светлана Ивановна.

(Звучит в записи «речь» Светланы Ивановны, записанная на диктофон Соны.)

«...Лишний раз не улыбнётся, спасибо не скажет. Одуванчик! Да это не одуванчик, это сорняк какой-то! Это чертополох! Вот скажите, чем мои дети хуже их? Эти на всём готовом. И кормят их, и поят. А ещё неизвестно, что из них вырастет. Может, будут какими-нибудь бомжами или проститутками. А государство им потом ещё и квартиры выделяет. А я своим эту самую квартиру ни в жизнь не куплю. Не на что. Так и будут по съёмным болтаться».

Соня *(в микрофон, по громкой связи).* Чертополох, говорите? Ну и пусть чертополох! Я специально про этот чертополох ночью в интернете прочитала. Сорняк, говорите? Ну и пусть сорняк! Зато корни у него крепкие. Как уцепится за одно место, так напрочь засядет. И мы уцепимся, вот увидите. Уцепимся и не пропадём. И мы всегда вместе будем, друг за друга горой, ведь мы – одна неразлучная семья. И в институт я поступлю. И квартиру получу. Знаете, как там у меня чисто будет. Мне эта квартира очень нужна. Я тогда смогу сестрёнку с собой забрать, и будем мы с ней жить душа в душу. И замуж я потом выйду. Только тоже за детдомовского. Ведь мы понимать друг друга будем. Он не будет меня каждый день пилить: моя квартира, мой телевизор,

моя машина. А ещё я цветы у дома посажу. Много-много. Целую клумбу. А в центре... в центре – одуванчики. Только вы потерпите нас ещё маленько. Нам всего чуть-чуть осталось – годик с небольшим. А за то, что грубим, простите. Может, нам и правда ласки не хватает. Только мы-то уйдём, а ведь ещё дети останутся. Такие же сорняки, как мы... Всё! Не могу больше!

(Спокойно.) Давайте лучше песню послушаем.

Соня поставила песню и молча сидит без движения на стуле перед микрофоном. В записи звучит песня «Одуванчик». В комнату заходят воспитатели. за ними забсгают девочки и Коля и останавливаются у порога.

Надя *(дёргает Соню за руку).* Сонь, Соня...

Соня оборачивается. встаёт из-за стола. берёт за руку Надю и идёт к выходу.

Соня. Светлана Ивановна, а вы... а вам я спасибо хочу сказать.

Светлана Ивановна. Спасибо? За что?

Женщины садятся на стулья. Светлана Ивановна плачет, обхватив голову руками. Девочки уходят.

Заканчивается песня. Приглушение света.

Занавес закрывается.

На сцену выходит девушка. Это повзрослевшая Соня.

Соня. Здравствуйте. Давайте знакомиться. Я – ваш новый воспитатель. Меня зовут Софья Сергеевна Солнцева.

Занавес.